

Каждый из нас чувствует себя вполне привычно в мире лишь одного языка, и мы называем его своим родным языком. Возможно, что мы также изучили несколько иностранных языков: французский, русский, итальянский. Но мы забываем, что все мы разговариваем еще на одном языке: это язык наших сновидений. И это удивительный язык. Это универсальный язык, который существовал во все периоды человеческой истории и во всех культурах. Язык сновидений первобытного человека, язык сновидений фараонов в Библии, язык сновидений кого-либо в Штутгарте или Нью-Йорке — все они почти одинаковы. Мы разговариваем на этом языке каждую ночь. Хотя мы обычно забываем, что нам снилось и потому думаем, что нам вообще ничего не снилось, мы на самом деле видим сны каждую ночь без исключения.

Каковы особенности языка сновидений? Его наиболее очевидный признак, конечно, тот, что это ночной язык, язык сна. Дело обстоит так, как если бы мы могли разговаривать по-французски только ночью и ни слова не понимали бы на этом языке в течение дня. Сверх того, язык сновидений — это символический язык. Можно сказать, что в этом языке употребляются видимые, почти осязаемые предметы для выражения внутреннего опыта в конкретной форме. Это в точности то же самое, что имеет место в литературе. Если писатель говорит: «Красная роза согревает мне сердце», то никто не истолкует это выражение в том смысле, что происходит повышение температуры. Писатель имеет в виду чувство, опыт, который он выражает в форме конкретного физического процесса.

Я, пожалуй, смогу использовать пример очень интересного сновидения, чтобы показать, что я здесь имею в виду. Это сновидение явилось Зигмунду Фрейду, а потом, позднее, он о нем поведал. Это его сновидение о гербарии, и оно очень короткое. Фрейду снилось, что у него был гербарий и что в нем оказался засохший цветок. Вот и все сновидение. У Фрейда возникли кое-какие идеи, по поводу того, что оно означает. Этот цветок был любимым цветком его жены, а его жена часто жаловалась, что он никогда не дарит ей цветы. Далее, этот цветок каким-то образом был соотнесен с кокаином, о котором он узнал почти в то же время, когда происходило открытие его применения в медицине. Цветок в гербарии был простым символом, но смысл его был глубоким. Он проливал кое-какой свет на одну из самых важных особенностей личности Фрейда. Цветы — это символы любви, сексуальности, эротики, жизнетворения. Но этот цветок в гербарии — уже засохший, и его единственная сохранившаяся ценность в том, что он стал объектом научного рассмотрения. Его можно было изучать как предмет исследования, но его нельзя было ощущать как нечто цветущее, живое. Если мы обратим внимание на отношение Фрейда к любви и сексуальности, мы на самом деле заметим, что, хотя он сделал секс объектом научного исследования, в своей личной жизни он был, скорее, застенчивым и крайне стыдливым человеком. Когда ему было немногим более сорока, лет, он написал одному из своих друзей о том, как он был поражен тем, насколько привлекательной показалась ему женщина, которую он увидел. Это всего

лишь один пример отношения Фрейда к жизни в таком возрасте, в котором большинство мужчин ни в малейшей степени не были бы поражены при сходных обстоятельствах. Таким образом в этом малом символе засохшего цветка, в символе, который можно было бы описать всего лишь несколькими словами, мы находим ключи к характеру Фрейда, и они заставили бы нас заполнить многие страницы, если бы мы попытались выразить в деталях все, что предполагалось в символическом языке этого краткого сновидения.

Другая важная особенность языка сновидений состоит в том, что мы узнаем о других людях и о самих себе больше тогда, когда мы спим, чем тогда, когда мы бодрствуем. Во время сна мы, возможно, бываем более иррациональными, и я еще вернусь к этому пункту в дальнейшем — но в определенном смысле мы при этом много мудрее, гораздо более понятливы. Пример со сновидением Фрейда также указывает на это. Как мы знаем из собственного анализа Фрейдом своего сновидения, он едва ли сознавал ту особенность своего характера, которая проявилась в этом сновидении. Но в этом сновидении он мог ясно осознать свое двусмысленное отношение к тому, что сновидение символизировало.

В связи с этим аспектом языка сновидений можно выделить одну особенность, которая в дискуссиях о сновидениях не получила должного признания. Большинство людей (я говорю «большинство людей», но мы не располагаем статистическими данными на этот счет, поэтому, возможно, мне следовало бы быть более осторожным и сказать просто «многие люди», или, еще лучше, «большинство из тех людей, которых я наблюдал в своей практике психоаналитика») в своих сновидениях могут проявлять такие творческие способности, каких у них никогда не было, когда они бодрствуют. Люди, которые во время бодрствования никогда не смогли бы совершить ничего экстраординарного, даже прилагая величайшие усилия, в своих сновидениях становятся творцами историй, поэм, мифов. Мне трудно подсчитать повествования о столь многих сновидениях, которые я слышал и которые могли бы быть опубликованы слово в слово, и это породило бы для многих интерес, подобный кратким рассказам Кафки. И все же, когда тот же самый индивид бодрствует, он посмотрел бы на вас как на сумасшедшего, если бы вы ему сказали: «Ну что ж, а теперь напишите мне краткий рассказ в стиле Кафки». На самом деле он был бы не в состоянии написать такой рассказ. Но в своих сновидениях он — поэт, художник; и это — то же самое лицо, которое совершенно лишено артистических способностей, когда он бодрствует. Выражая этот взгляд в крайней форме, можно было бы сказать, что тот творец и художник, кто способен творить без необходимости погружаться для этого в сон. Иными словами, он сохраняет способность к творчеству даже, если он бодрствует.

В течение дня мы живем в контексте данной культуры. То, что мы говорим в дневное время, в очень значительной мере зависит от того, где мы родились. Очевидно, что африканец — член охотничьего племени будет говорить об иных вещах и использовать иные термины, чем мы. То, что мы говорим, частично определяется и нашим обществом. Но в своих сновидениях мы говорим на универсальном языке. Наш язык дневного времени, родной ли это для нас язык или иностранный, — это всегда социально детерминированный язык. Но язык сновидений — это универсальный язык, язык всего человечества.

Каково объяснение этой способности? Позвольте мне начать с того, что может показаться сложным, но на самом деле весьма просто: это — различие между бодрствованием и сном. Мы проводим свою жизнь в двух способах существования, которые представляются нам до такой степени самоочевидными, что мы часто даже не вполне сознательно относимся к ним. Мы проводим часть своей жизни бодрствуя, а часть ее во сне. Но что значит сказать, что мы бодрствуем? Когда мы бодрствуем, мы находимся в таком состоянии, которое обязывает нас заботиться о своем существовании. Нам приходится работать, мы должны приобретать вещи, необходимые для поддержания своего существования, нам приходится защищать себя от нападений; короче, мы поглощены борьбой за существование. И эта борьба определяет то, что мы делаем, и то, что мы думаем. Она определяет то, что мы Желаем, потому что мы вынуждены приспособиться к ее условиям. Нам приходится вести себя таким образом, каким общество ожидает, чтобы мы себя вели, с той целью, чтобы мы могли производить, чтобы мы могли работать. Но еще более важно то, что эта борьба оказывает сильнейшее влияние на наши чувства и наши мысли.

В течение дня мы смотрим на вещи таким образом, каким нам приходится на них смотреть, чтобы можно было оперировать ими, извлекать из них какую-то пользу. Мы должны вести себя разумно, а «разумно» означает, что нужно вести себя таким образом, каким будут вести себя другие люди для того, чтобы они нас понимали, а также испытывали к нам симпатию и не думали: вот какой-то чудаковатый и ненормальный тип. Мы думаем и чувствуем то, что понуждает нас чувствовать «здравый смысл» и так называемые принятые среди людей приличия. Мы все думаем и чувствуем, что мы любим своих родителей, что они и все другие авторитетные люди не только желают нам лучшего, но также знают и делают то, что лучше, и т. д. Мы чувствуем себя счастливыми и радостными, когда нас к этому побуждают обстоятельства, или, если обстоятельства, принуждают нас к противоположному, мы испытываем печаль. На деле мы можем вообще ничего не испытывать, но мы думаем, что мы испытываем просто оттого, что приняли соответствующий счастливый или печальный вид. И мы не задумываемся о том, что поражает нас как нечто абсурдное, ибо полагаем, что вещи, которые не должны существовать, не существуют. Сказка Андерсена о новом платье для короля прекрасно иллюстрирует этот принцип. Король гол, но все взрослые думают, что он облачен в пышные одежды, потому что это как раз то, чего они ожидают. Лишь маленький мальчик, мышление которого еще не втиснуто в формы дневного сознания большинства взрослых, мог видеть, что на короле вообще не было никаких одежд. Когда мы бодрствуем, мы и в самом деле чувствуем и мыслим так, как от нас этого ожидают другие.

Позволю себе поведать еще об одном сновидении, которое проливает свет на ту же самую проблему. Это сновидение явилось одному высокопоставленному администратору, подчиненному одному лишь директору своей фирмы. В своей бодрствующей жизни этот администратор убедил себя в том, что он находится в очень хороших отношениях со своим боссом. Он его любит; у него никогда, не бывает с ним никаких проблем. Затем ему явилось это сновидение: его руки, одна с другой, связаны телефонным шнуром, на котором все еще болтается телефонная трубка. Далее, он видит своего босса, который казался спящим, лежа рядом с ним на полу. Администратор

испытывает приступ неодолимой ярости. Он находит молоток, хватая его обеими руками и пытается с его помощью разбить голову директора. Его удар поражает цель, но ничего не происходит. Затем директор открывает глаза и иронически улыбается нападавшему.

Хотя этот человек мог полагать, что он был в хороших отношениях со своим боссом, его сновидение говорит нам о том, что на самом деле он ненавидел своего начальника. Он чувствовал, что директор подавляет его, сковывает его действия. Он чувствовал себя бессильным и находящимся во власти своего шефа. Такова реальность, которую этот человек прочувствовал в своем сновидении. В его бодрствующей жизни эта реальность, по-видимому, была от него скрыта.

Что именно такое дает нам состояние сна, чего не может дать состояние бодрствования? Мы свободны. Может показаться странным то, что мы скажем, но, в определенном смысле, мы свободны лишь тогда, когда мы спим. Это значит, что когда мы спим, мы больше не вынуждены участвовать в борьбе за существование, мы не должны завоевывать, нам не приходится защищать себя, приспосабливаться к обстоятельствам. Мы думаем и чувствуем то, что именно мы думаем и чувствуем. Наши мысли и чувства во время сна настолько субъективны, насколько они способны стать таковыми. Во сне нам нет надобности делать что-либо; мы можем просто существовать. Во сне у нас нет целей. Мы можем воспринимать мир таким, каким он реально нам кажется, каким мы на самом деле его видим, а не таким, каким он предстает по предположению в том случае, если мы и имеем в виду достижение определенной цели. Иными словами, можно сказать, что во сне подсознательное выступает на передний план. Нет совершенно ничего непостижимого в подсознательном. Это означает просто то, что во сне мы получаем доступ к тому, чего не знаем, когда мы бодрствуем. Или, в других словах, наоборот: в состоянии бодрствования мы не имеем доступа к тому, что мы знаем, когда спим. Можно было бы даже сказать, что в состоянии бодрствования сознание сна бессознательно, тогда как во сне сознание бодрствования бессознательно. Речь идет о двух различных типах сознания. Один действует в состоянии бодрствования, другой во сне.

Означает ли это, что мы во сне более иррациональны, сильнее подвержены своим влечениям? Да, иногда, но ни в коем случае не всегда и даже не в большинстве случаев, несмотря на то, что Фрейд полагал, что сны всегда мобилизуют иррациональное против рационального. Но как я упомянул выше, мы часто достигаем большего прозрения и большей мудрости во время наших снов, потому что тогда более независимы, потому что мы можем видеть и чувствовать, освободившись от шор. Даже во сне мы контролируем свои видения. Мы не осмеливаемся принять ту свободу, которую дарует нам сон, и потому мы изменяем и скрываем действительный смысл наших сновидений, т. е. действуем так, как мы поступили бы, если бы мы хотели помешать кому-то другому понять, что мы на самом деле имели в виду. В случаях, подобных этому, мы даже во сне проявляем нежелание поднять самих себя. Вот почему мы часто забываем свои сны, либо большинство из них не уложилось бы удобно в схему нашей бодрствующей жизни. Они лишь беспокоили бы и раздражали нас.

Во время сна наши творческие силы возрастают. Мы развиваем такие способности, которые мы не распознаем и о которых на деле даже не подозреваем, когда бодрствуем. Я имею здесь в виду сновидение, которое явилось еще одному преуспевающему бизнесмену-администратору. (Сновидения, о которых я здесь рассказываю, стали мне известны не от моих пациентов, а из исследований, касающихся личностей администраторов.) Этот человек чувствовал себя очень счастливым потому, что ему сопутствовал успех. Судя по его доходу и той власти, которую он осуществлял, у него были все основания иметь такие ощущения, ибо мы обычно чувствуем то, что от нас ожидают, чтобы мы чувствовали. Итак, этот человек думал, что он очень счастлив. Затем к нему явилось это сновидение. В первой части этого сновидения он находится около небольшого озера. Озеро загрязнено. Окружение темное, мрачное, зловещее. Позднее, после сновидения он вспоминает, что это озеро очень похоже на то, вблизи которого жили его родители. Неприятное воспоминание относится не только к этому озеру, но также к тоскливому нищенскому облику дома его детства. Во второй сцене своего сновидения он находится в очень дорогом автомобиле, мчащемся вверх по горному склону по суперсовременному шоссе. Он мчится быстро; он преисполнен чувства власти и успеха; и он счастлив. Затем наступает третья сцена, которая возникает после того, как он достиг вершины горы. Неожиданно он оказывается в порнографической лавке. Его жена была вместе с ним в автомобиле, но теперь он один. Там больше нет никого. Все пыльно и грязно, и он чувствует себя совершенно одиноким и покинутым.

Это сновидение рассказывает нам о том, что этот человек чувствует по поводу своей жизни и своей судьбы. В простейших словах это сновидение перелагается в нечто, подобное следующему: когда я был ребенком, все вокруг меня было мрачно и грязно. Теперь я преуспевающий человек, который вознесся на вершину успеха с невероятной быстротой. Но в конце концов, когда вся эта погоня за удачей закончится, я попаду как раз туда, назад, в ту же самую грязь, в ту же самую нищету, останусь с той же самой тоской и в том же самом одиночестве, которые я испытывал в детстве. Все исчезнет, и я попаду в точности туда, назад, откуда я начинал. Сновидение не выражает желания. Вместо этого оно дает на творческом, художественном языке глубокое прозрение в пустоту жизни этого человека.

Можно было бы сказать, что многие люди способны к такого рода творческой деятельности, но в дневное время они подвержены давлению общества — того, что Хайдеггер называл «другие», и потому у них нет смелости быть самими собой и сотворить что-либо самим. И, по сути дела, в этом — печальный укор нашему обществу, которое не позволяет людям реализовать те творческие способности, которые они хранят в себе.

В своих сновидениях мы рассказываем самим себе о чем-то. Как сказано в Талмуде: «Сновидение, оставшееся без истолкования, подобно письму, которое не было прочитано». Слово «истолкование» не является, на самом деле, вполне корректным в данном контексте. Для нас нет необходимости истолковывать сновидения. Нет ничего, что нужно было бы истолковать. У нас нет надобности в истолковании китайского или итальянского, если мы изучили эти языки. Язык сновидений, язык, который можно изучить, который обладает своей собственной грамматикой, своими собственными формами, язык, который не описывает «факты», а сообщает об опыте. Язык сновидений

легко изучить, и вам нет надобности становиться психоаналитиком, чтобы изучить его. Мы могли бы изучать его в школе в то же самое время, когда мы изучаем иностранные языки. Я чувствую, что если бы мы начали изучать язык сновидений, это дало бы нам огромное преимущество, ибо если бы мы понимали свои сновидения, мы лучше понимали бы и самих себя, и других. Я сказал, что это дало бы нам преимущества. Но это могло бы также принести некоторые неудобства. Как правило, нам, на самом деле, не очень хочется знать слишком много о себе и о других. Такое знание может доставлять нам неудобства. Но чем больше мы знаем о самих себе и чем меньше у нас иллюзий других, тем богаче, обильнее и полнокровнее были бы наши жизни. Далее, если бы мы понимали язык сновидений, мы не были бы ограничены односторонней интеллектуальной перспективой, которая стала доминирующей для мышления большинства людей в наше время, более чем когда-либо ранее — в прошлом. Мы не ограничены мышлением исключительно в понятиях, но развиваем свое внимание и к эмоциональному дифференцированию. Мы интегрируем интеллект с эмоциями и оставляем нереалистические альтернативы за своей спиной. Я ни в коем случае не предлагаю здесь придерживаться опасного антиинтеллектуализма, еще менее — новой сентиментальности. Хочу же я предположить, что язык сновидений способен научить нас кое-чему, что существенно для наших жизней, и теперь, более чем когда-либо, в своих сновидениях мы можем становиться поэтами.

Из книги "Ради любви к жизни"